

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1801-1810
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1801

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Impact of Business Unions and Associations on the Economic Policy of the State in the second half of the 19th – early 20th centuries

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Vadim V. Zubov ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the development of the system of influence of business unions and associations on the economic policy of the state in the second half of the 19th – early 20th centuries. The author comes to the conclusion that initially representatives of the political leadership of the empire tried to interact with the business community through the previously formed system of advisory bodies deprived of the right to initiate discussion of specific issues. But the corresponding structures were characterized by a fairly narrow composition of participants, due to which they could not fully represent the position of even large companies. The role of a functional representative of the interests of the business community gradually passed to self-governing public organizations, among which the key role was played by stock exchange committees and congresses of industrialists and merchants. From a formal point of view, they were supposed to perform the function of a feedback mechanism between government structures and business. But eventually, business associations began to form their own economic agenda and promote it using public policy methods. This was due to both the high level of their autonomy due to the widespread introduction of separate law norms and the development of tacit practices of involving business associations in the discussion of draft laws and the regular incorporation of representatives of relevant government bodies into the number of delegates to congresses of industrialists and businessmen. At the end of the period under study, the process of forming monopolies intensified, which also actively tried to influence the state's economic policy by using administrative and industry lobbying tools. However, in general, the level of influence of business unions and associations on the economic policy of the Russian state remained rather moderate. The latter was due to the relatively low level of business resource potential and the low degree of its social consolidation, as well as the authorities' concerns about the possible costs of expanding business participation in public administration issues associated with the high scale of bureaucratic entrepreneurship and corruption in general.

Keywords: business associations, congresses of industrialists and traders, stock exchange committees, monopolies, economic policy, interest groups, lobbying.

1. Введение

Воздействие предпринимательских объединений на экономическую политику императорской России традиционно является одним из наиболее активно развивающихся направлений в современной историографии. Последнее обусловлено, с одной стороны, последствиями чрезмерной идеологизации данной темы в советский период и возникновением потребности в её ревизии на основе использования принципа объективности, а с другой стороны – относительно низким уровнем проработки соответствующей проблематики на междисциплинарном уровне, с точки зрения современной системы научных представлений о работе механизмов функционального представительства и вовлечения в политический процесс групп интересов бизнеса.

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), zubov305@yandex.ru (V.V. Zubov)

Роль факторов, детерминирующих высокую степень актуальности заявленной темы, играют также широкие масштабы распространения интерпретационных моделей, основанных на постзнании или игнорировании ряда значимых контекстуальных моментов.

Существенная значимость изучения вопросов, связанных с выстраиванием системы воздействия предпринимательских объединений на экономическую политику дореволюционной России, проистекает также из необходимости уточнения ряда значимых моментов в рамках изучения системы принятия политических решений в рамках государственной системы нашей страны в данный период её развития. В частности, достоверная оценка роли делового сообщества в формировании экономической политики государства служит ключом к пониманию того, насколько хозяйственные нужды в целом определяли внешне- и внутривнутриполитический курс властей, интересы каких групп давления превалировали при его выработке в конкретный период, что выступало в роли детерминант, определявших воззрения политического истеблишмента на динамику вектора экономической политики и т. д.

2. Материалы и методы

Источниковая база формировалась за счёт использования материалов двух типов. К первому из них относятся делопроизводственные материалы, хранящиеся в фонде центральных учреждений Министерства финансов по части торговли и промышленности Российской империи в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В состав корпуса источников второго типа входят материалы личного происхождения, преимущественно – воспоминания государственных деятелей, причастных к выработке, обсуждению и утверждению решений относительно привлечения деловых ассоциаций и коммерческих структур к планированию и реализации экономической политики (Бельгард, 2009; Богданович, 1990; Витте, 1960; Головин, 2006; Гурко, 2000; Гучков, 1993; Кизеветтер, 2001; Коковцов, 1992). Информация, почерпнутая в упомянутых источниках, использовалась с учётом обстоятельств их происхождения и влияния данного фактора на уровень информационной полноты, достоверности и объективности соответствующих сведений.

Методология формируется посредством комбинирования синхронного и диахронного сравнительного и структурно-функционального анализа. Использование структурно-функционального анализа позволило вычленивать конкретные кластеры бизнес-акторов, оказывавших влияние на экономическую политику государства, разделить их на типы и реконструировать их внутреннее устройство во взаимосвязи с практикой решения конкретных задач.

Применение синхронного сравнительного анализа стало методической основой для сопоставления существовавших параллельно практик и форм взаимодействия государства и бизнеса, в то время как обращение к диахронному анализу дало возможность отследить динамику и тренды развития конкретных институтов, процессов и явлений в течение длительных хронологических отрезков.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема воздействия предпринимательских союзов и объединений исследовалась по большей части или в контексте изучения опыта и политической биографии конкретных государственных деятелей, или в ключе изучения в целом политики действующей власти в области модернизации экономики (Витте, 1914; Головин, 1899; Гольдштейн, 1908; Гурко, 1902; Денисов, 1912; Ельчанинов, 1913; Мышцын, 1906; Пасхалов, 1911; Пешехонов, 1906; Тихомиров, 1912; Шванебах, 1901). Отличительными чертами большинства соответствующих исследований являются фокусирование внимания на событиях конца XIX – начала XX в. при относительно невысоком уровне освещения глубинных причин и предпосылок описываемых процессов, преувеличение роли субъективного фактора, относительная узость источниковой базы и частые проявления самоцензуры в случае конкретных авторов.

Исследования советского периода характеризуют, с одной стороны, высокая степень концептуальности, широта и значительная гетерогенность источниковой базы (Зайончковский, 1970; Лаверычев, 1967; Спирин, 1977; Шепелев, 1987). С другой стороны, для них характерны существенные проявления воздействия официальной идеологии в СССР и активное калькирование оценок, данных соответствующим событиям советскими лидерами.

В числе достоинств работ постсоветского периода можно отметить существенное расширение источниковой базы и методического инструментария, а также активные попытки использования междисциплинарных подходов (Ананьич, Ганелин, 2000; Боханов, 2006; Грегори, 2003; Корелин, Степанов, 1998; Миронов, 2018). В то же время следует отметить, что зачастую отказ от идеологизации темы в ключе советской историографической парадигмы сопровождается попытками интерпретации рассматриваемой проблематики с точки зрения иных политических концепций (например – либерализма). В отдельных случаях это сочетается с использованием при построении оценок постзнания и в целом отказом от принципа историзма.

Вклад зарубежных авторов в развитие темы заключается в первую очередь во вводе в научный оборот материалов российского происхождения, отложившихся в иностранных архивах. В то же время для многих исследований данной группы характерно наличие элементов влияния национальных политизированных историографий, формировавшихся в русле тенденции к стигматизации дореволюционной России (Christian, 1997; Gatrell, 1994; Geyer, 1987; Harcave, 2004; Mosse, 1996; Owen, 2005; Owen, 2002; Shanin, 1985; Wcislo, 2005).

В целом можно констатировать, что состояние научной разработанности темы отличает как наличие существенной компоненты идеологизации и политизации, так и существование лакун, связанных с неравномерным распределением интереса исследователей к конкретным аспектам изучаемой проблематики.

4. Результаты

Хронологический отрезок конца XIX – начала XX в. стал периодом крупномасштабных изменений в экономической политике российского государства. И в первую очередь это проявлялось в том, что власти империи начали отказываться от сложившейся ранее практики делегирования иностранным институтам функции проводников, операторов и технических исполнителей экономической политики. Одновременно был запущен процесс повышения уровня институционализации внешне- и внутриэкономической деятельности. Соответствующие процедуры были тесным образом переплетены с формированием монополий, связанных с ними деловых ассоциаций и их встраиванием в модель государственной экономической политики, в том числе – в рамках поддержки властями экспансии российских компаний на внешних рынках в контексте достижения долгосрочных целей стратегического уровня. В структуре контура внутренней политики взаимодействие государства и объединений бизнеса выстраивалось в ключе предотвращения экономических кризисов или купирования их последствий и повышения конкурентоспособности российских товаров на внутреннем рынке. В рамках решения соответствующих задач в качестве ведущих акторов со стороны промышленников и коммерсантов выступали, с одной стороны, монополистические объединения, а с другой – союзы предпринимателей, выстраивавшиеся чаще всего на основе модели целевой иерархизированной сети. Их основным контрагентом со стороны государства стало сформированное в 1905 г. Министерство торговли и промышленности (хотя эпизодически решение ключевых вопросов взаимодействия с объединениями предпринимателей переходило на уровень ставшего постоянно действующим органом Совета министров) (Зайончковский, 1970: 128, 129; Корелин, Степанов, 1998: 32).

Взаимодействие власти и делового сообщества при этом носило сложный характер и отличалось достаточно высокой динамикой в плане изменения структуры и векторов кооперации. Представители политического руководства активно поддерживали отечественную промышленность в ключе политики протекционизма (через формируемую посредством процессов обратной связи и заимствования зарубежного опыта систему дотаций, субсидий, налоговых льгот и разнообразных преференций), а также формировали благоприятные условия для развития процессов синдицирования и трестирования. И в то же время периодически возникали конфликты между властью и группами интересов крупного бизнеса. Чаще всего такого рода ситуации возникали как следствие негативных эффектов, порождённых решениями монополистических объединений относительно ценообразования и обеспечения нормы прибыли, а также вытеснением с рынка кооперативов, представителей кустарно-ремесленного производства и иных структур малого и среднего бизнеса (Гурко, 1902: 15, 16).

Динамику взаимодействия власти с объединениями предпринимателей осложняла широкая репрезентация в структуре собственников крупных компаний иностранных инвесторов, зачастую действовавших вопреки интересам национального бизнеса и российского государства в целом. Во многом именно такого рода практики стали причиной того, что на правительственном уровне периодически возникали дискуссии о возможности выкупа в казну крупных заводов и фабрик в случае убедительного подтверждения монопольного сговора. Также злоупотребления со стороны иностранных инвесторов подтолкнули власти Российской империи к такому шагу, как обсуждение на высшем уровне планов закрепления в законодательстве права на выкуп патентов (привилегий) на технологические новшества (Гольдштейн, 1908: 12).

Основные тенденции развития объединений предпринимателей и тренды эволюции их взаимодействия с государством в рамках рассматриваемого периода определялись в первую очередь экономической политикой государства, в формировании которой ключевую роль играли С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов и прочие представители административной элиты Российской империи конца XIX – начала XX в. (Денисов, 1912: 7). Однако динамику этих процессов также во многом определяли долгосрочные последствия великих реформ Александра II. Именно в период его правления начали формироваться первые предпринимательские конвенции и отраслевые объединения промышленников, а также различные объединения коммерсантов и финансистов, такие как биржевые комитеты, экспортные союзы и торговые палаты. Действовавшая на тот период модель экономической политики предполагала необходимость заимствования из Европы норм так

называемого сепаратного права в рамках выстраивания деловых ассоциаций и коммерческих объединений и налаживания диалога между ними и бизнесом. Последнее на практике представляло собой систему норм саморегуляции, выработанную для организации работы конкретной биржи, акционерного общества или иной коммерческой организации её непосредственными участниками в условиях отсутствия полноценной системы законодательной регламентации их деятельности государством. С одной стороны, это позволило российским объединениям предпринимателей (как, впрочем, и конкретным компаниям) оперативно заимствовать передовые и перспективные управленческие решения и форматы, с другой стороны – государство фактически самостоятельно ограничило свою сферу контроля за функционированием крупных фирм и объединений промышленников и коммерсантов, что имело негативные эффекты как экономического, так и социального характера. Последнее стало закономерным следствием распространения сепаратного права, сущность которого формировала благоприятные возможности для юридических манипуляций со стороны собственников бизнеса (Грегори, 2003: 62, 64; Денисов, 1912: 95-97).

При этом важно подчеркнуть, что распространение сепаратного права не было обусловлено решением политических и экономических элит калькировать зарубежный опыт. И административный истеблишмент, и деловые круги в данном случае действовали преимущественно под давлением объективных факторов, среди которых особое значение имела ведущая роль иностранного капитала в реализации ведущих инфраструктурных и промышленных проектов в ходе первых десятилетий после начала великих реформ (Лаверычев, 1967: 21, 37).

В качестве примера в данном случае можно привести опыт взаимодействия между российским Министерством финансов и «Главным обществом российских железных дорог». Последнее на практике представляло собой международный банковский синдикат, в структуре которого преобладали кредитные организации из Франции, Великобритании, Пруссии и Нидерландов. Зависимость от доступа к финансовым и технологическим ресурсам зарубежных инвесторов вынудила представителей России согласиться на условия, предусматривавшие регулирование вопросов реализации государственно-частного партнёрства (в том числе – приватизации государственного имущества) на основе предпочтений и интересов банковского синдиката. Как следствие, возможности властей в плане регулирования деятельности инвесторов были сильно ограничены (Зайончковский, 1970: 157).

Особая роль иностранных инвесторов в реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов способствовала тому, что принципы сепаратного права начали широко инкорпорироваться в уставы не только новых акционерных обществ, банков и монополистических объединений, но и деловых ассоциаций, численность которых в России стабильно росла (Кизеветтер, 2001: 97; Коковцов, 1992: 56).

Первые представительские структуры делового сообщества были сформированы ещё в 1828–1829 гг. Мануфактурный и Коммерческий советы, действовавшие при Министерстве финансов, представляли собой совещательные органы, призванные оказывать содействие политическому руководству в решении экономических вопросов посредством изучения актуальных хозяйственных проблем, разработки рекомендаций для органов власти, популяризации передовых деловых практик и медиации конфликтов между коммерческими структурами. В то же время данные советы были лишены возможности инициировать обсуждение каких-либо вопросов. В 1872 г. упомянутые структуры заменил аналогичный по функционалу Совет торговли и мануфактур, наделённый правом на проектную инициативу. Однако нехватка финансирования и узость состава участников привели к тому, что первоначальный замысел властей по созданию разветвлённой сети местных комитетов Совета с центром в столице так и не был выполнен (Корелин, Степанов, 1998: 87; Миронов, 2018: 104).

Однако объективная потребность предпринимательских кругов в продвижении своих корпоративных интересов сохранялась, что подталкивало деловое сообщество к созданию ассоциаций без государственного участия. Ещё в 1866 г. начало функционировать Русское техническое общество. В 1867 г. было открыто Общество для содействия русской промышленности. В 1874 г. возникло первое отраслевое объединение фабрикантов макрорегионального уровня – Съезд горнопромышленников юга России. В 1880 г. начал действовать Совет съездов горнопромышленников Уральской горной области. В 1888 г. перечень региональных отраслевых ассоциаций пополнил Совет съездов бакинских нефтепромышленников (Шепелев, 1987: 41).

К 1910 г. в Российской империи действовали 143 объединения предпринимателей. К 1917 г. их количество возросло до 175. Наиболее распространёнными формами их кооперации были биржевые комитеты (общее количество которых к 1910 г. достигало 85) и съезды промышленников и торговцев (27) (Ананьич, Ганелин, 2000: 79, 105; Миронов, 2018: 51).

Биржевые комитеты, выполнявшие функцию постоянно действующих выборных органов биржевых обществ, начали активно формироваться в конце 1860-х гг. Несмотря на то, что функционально биржевые общества были ориентированы в первую очередь на вопросы развития торговли и финансовой сферы, они также активно занимались производственной проблематикой. Так, в уставе московской биржи в числе прав и обязанностей формируемого при ней комитета были закреплены нормы, делегирующие его членов функции по обращению в органы власти с

ходатайствами об оптимизации торгово-промышленной политики и рекомендациями относительно её усовершенствования. Также биржевым комитетам вменялась в обязанность подготовка по распоряжению правительственных структур информационных справок и заключений по вопросам, относящимся к сфере промышленности и торговли. Членов столичных биржевых комитетов в соответствии с негласным правилом также активно привлекали к работе правительственных комиссий. В конце XIX в. также сложилась неформальная практика направления Министерством финансов разрабатываемых законопроектов на обсуждение в биржевые комитеты (Головин, 1899: 68, 69; Гучков, 1993: 56; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2226. Л. 147–149).

Чаще всего биржевые комитеты концентрировали своё внимание на проблематике экономического развития конкретных отраслей или регионов, что способствовало появлению в их распоряжении обширных статистических сведений по профильному направлению деятельности. Это позволяло формировать при комитетах полноценные аналитические структуры, занимавшиеся на научной основе изучением состояния и динамики соответствующих рынков (Гурко, 2000: 112).

Съезды промышленников и торговцев начали активно проводиться в середине 1860-х – начале 1870-х гг. Длительное время они организовывались преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге, и только в 1890-х гг. начала формироваться альтернативная площадка их проведения в Нижнем Новгороде. Специфической чертой торгово-промышленных съездов являлся состав их участников. Помимо выходцев из предпринимательского сообщества, в состав делегатов съездов включались и представители высших органов власти. Базовые функции съездов изначально охватывали исключительно мониторинг и обобщение основных проблем в рамках конкретной отрасли. Однако достаточно быстро участники начали на регулярной основе выходить за рамки этих задач. Выступая от лица деловых корпораций, участники съездов презентовали представителям власти своё видение экономической ситуации и направляли рекомендации по устранению наиболее острых проблем торгово-промышленной сферы (Головин, 1899: 103-105).

Съезды создавали постоянно действующие выборные органы в форме советов или бюро. При них формировался аппарат из специализированных комиссий и отделов, занимавшихся изучением и разработкой вариантов решения конкретных хозяйственных вопросов. Создаваемая таким образом аналитика, с одной стороны, напрямую направлялась высшим должностным лицам профильных органов государственной власти, а с другой – популяризировалась через издаваемые съездами периодические издания. Таким образом, влияние на органы публичной власти осуществлялось как напрямую, через коммуникацию с лицами, принимающими решения, так и косвенно, посредством формирования общественного мнения (Головин, 1899: 103-105).

Если биржевые комитеты на протяжении всей истории своего существования продолжали существовать на региональном уровне, то торгово-промышленные съезды в начале XX в. начали формировать всероссийские структуры на базе отраслевых и территориальных объединений. Наибольшим влиянием в плане продвижения корпоративных интересов участников обладал созданный в 1906 г. Съезд представителей промышленности и торговли, в структуру которого вошли 37 деловых ассоциаций и 57 коммерческих организаций промышленного, торгового и логистического профиля. Интересно отметить, что комплекс прав и обязанностей данной структуры был заметно расширен по сравнению с возникшими ранее объединениями за счёт делегирования функций, связанных с регулированием трудовых конфликтов, а также проведением выставок продукции и организацией испытательных станций и т. п. (Грегори, 2003: 64).

В то же время необходимо отметить, что внутри политического руководства империи изначально отсутствовало единство мнений относительно путей выстраивания взаимодействия с деловыми ассоциациями. Ещё в период правления Александра II внутри окружения императора сформировались три фракции элиты, отличавшиеся во взглядах относительно перспектив выстраивания коммуникации с объединениями промышленников и коммерсантов. Группа, неформальным лидером которой являлся министр финансов М.Х. Рейтерн, поддерживала идею делегирования государством значительной части функций по выстраиванию экономической политики деловым ассоциациям. Одновременно фракция, возглавляемая министром путей сообщения П.П. Мельниковым, настаивала на необходимости сохранения государством контроля над принятием стратегических решений относительно планирования и реализации экономической политики и вовлечения деловых ассоциаций и коммерческих структур в эти процессы в ограниченном формате, позволяющем купировать условный «экономический эгоизм» бизнеса с целью обеспечения общественного блага. Во многом сходную позицию занимала группа истеблишмента во главе с руководителем военного ведомства Д.А. Милутиным, опасавшимся, что представители бизнеса будут рассматривать государственно-частное партнёрство преимущественно как способ обеспечения сверхприбыли за счёт доступа к государственным заказам и эксплуатации коррупционных механизмов. В итоге, срыв планов модернизации экономики (обусловленный как негативными эффектами войны с Турцией 1877–1878 гг., так и отсутствием у частных инвесторов интереса к ряду стратегически значимых, но коммерчески мало перспективных проектов), разработанных М.Х. Рейтерном, способствовал превращению скептического отношения высшей бюрократии к выстраиванию кооперации с объединениями предпринимателей в доминирующую

позицию внутри политической элиты (Богданович, 1990: 98; Головин, 2006: 43; Гурко, 1902: 47; Спирин, 1977: 32).

В период правления Александра III и Николая II ситуация не изменилась. Оба монарха сомневались в целесообразности широкого вовлечения деловых ассоциаций и коммерческих структур в разработку экономической политики государства, во многом – по причине того, что были хорошо осведомлены о масштабах распространения бюрократического предпринимательства, т. е. практики извлечения высшими чиновниками прибыли в порядке извлечения «политической ренты» в рамках коррупционных сделок с представителями бизнеса. (Наглядными примерами этого могут служить фигуры министра финансов И.А.Вышнеградского, удвоившего размер личного состояния за время пребывания на посту главы данного ведомства, и директора Горного департамента Министерства государственных имуществ К.А. Скальковского) (Головин, 1899: 27; Пасхалов, 1911: 43; Пешехонов, 1906: 20).

Существенными возможностями в рамках воздействия на экономическую политику государства располагали также монополистические объединения. Первые из них возникли ещё в середине XIX в., однако на тот период данные организации не играли ведущую роль в национальной экономике в силу преимущественно локального характера соответствующих соглашений, наличия инфраструктурных барьеров для завершения формирования национальных рынков и существования широкого сегмента самодостаточных мелких производств. Однако расширение репрезентации иностранного капитала в российской экономике, успешная реализация проектов по развитию железнодорожной сети и постепенное разорение неспособных конкурировать с промышленным производством ремесленников и кустарей способствовали росту числа монополистических объединений. Существенным стимулом для масштабирования их присутствия в экономике стали также волны экономических кризисов 1899–1910 гг.: итоги каждого из них свидетельствовали о повышенной устойчивости монополистических объединений, что подталкивало крупные компании к слиянию. Следует отметить, что соответствующие действия активно поддерживались Министерством финансов, которое ещё в 1901 г. официально уведомило промышленников о намерении не препятствовать слиянию переживавших кризис компаний. Последнее во многом было обусловлено тем, что формирование монополий облегчало задачу возвращения казённых ссуд, выделенных ранее столкнувшимся с кризисом предприятиям. Косвенным стимулом к объединению в монополии для крупных компаний стало также широкое обсуждение проектов нового уголовного уложения. Последние чаще всего включали в себя пункт, предусматривающий возможность привлечения компаний за организацию монопольного сговора лишь в случае чрезмерного завышения цен (при этом данный термин никак не конкретизировался) (Ельчанинов, 1913: 22; Гольдштейн, 1908: 48; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1435. Л. 34–37; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1438. Л. 23; Шванебах, 1901: 59).

К началу XX в. для российской экономики была характерна широкая репрезентация не только классических форм монополистических объединений – картелей, трестов, синдикатов, но и таких форм интеграции крупного бизнеса, как конвенции и ринги. Первые представляли собой внутриотраслевые соглашения между несколькими крупными коммерческими объединениями, затрагивающие лишь отдельные (как правило – второстепенные) аспекты ведения хозяйственной деятельности, такие как период кредитования клиентов или размер скидок при поставках определённых видов продукции. Под рингами подразумевались кратковременные ситуативные соглашения между господствующими на рынке компаниями торгового и финансового профиля, заключаемые преимущественно ради получения прибыли за счёт спекулятивных операций (Гольдштейн, 1908: 52; Гурко, 1902: 61; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2228. Л. 155).

Чаще всего монополистические объединения возникали в форме картелей и синдикатов. На неформальном уровне последние выстраивались вокруг банков, игравших роль организационного ядра монополистического объединения. Выстраиваемые таким образом финансово-промышленные объединения представляли собой полноценные группы давления, активно практиковавшие различные методы продвижения собственных интересов, начиная от использования механизма «вращающихся дверей» (как правило, посредством включения бывших и действующих представителей власти в состав членов правления коммерческих организаций или руководящих органов деловых ассоциаций) и вовлечения представителей политической элиты в число акционеров и заканчивая организацией полноценного отраслевого лоббирования в рамках организации прямого диалога с руководителями профильных министерств (Бельгард, 2009: 92; Гольдштейн, 1908: 55).

Приведём ряд конкретных примеров. Член Государственного совета В. И. Тимирязев одновременно являлся руководителем совета Русского для внешней торговли банка и главой правления ещё 9 компаний. Среди чиновников, переместившихся после отставки на руководящие позиции в структуры крупного бизнеса, можно также упомянуть руководившего ранее Дворянским и Крестьянским банками товарища министра финансов А.И. Путилова, товарища министра внутренних дел, а затем министра земледелия и землеустройства Н.Н. Кутлера и обер-прокурора одного из департаментов Сената Я.И. Утина. Первый стал после отставки членом правления, а затем и директором-распорядителем Русско-Китайского банка, а в 1910 г. главой правления Русско-

Азиатского банка, второй – членом совета Азовско-Донского банка, третий – председателем правления Петербургского учётного и ссудного банка (Витте, 1914: 71; Витте, 1960: 87).

Однако по уровню влияния на формирование экономической политики государства российские монополии заметно уступали своим европейским и североамериканским аналогам. Относительно невысокая степень капитализации российской промышленности и торговли и наличие сильных иностранных конкурентов формировали у монополий особенно сильную заинтересованность в протекционистской поддержке со стороны государства. Патернализм монополистических объединений косвенно подпитывала и высокая степень гетерогенности российских предпринимателей как социального слоя, препятствовавшая осознанию общности целей и интересов и возникновению конвенционального мировоззрения. В начале XX в. на ситуацию также начала воздействовать специфика политических партий: даже претендовавшие на роль выразителя интересов делового сообщества октябристы рекрутировались преимущественно из числа дворян и землевладельцев и уделяли гораздо больше внимания решению аграрного вопроса, а не развитию промышленности и торговли (Боханов, 2006: 95; Зайончковский, 1970: 44; Денисов, 1912: 71, 72; Лаверычев, 1967: 64; Мышцин, 1906: 45).

5. Заключение

Таким образом, в течение второй половины XIX – начала XX в. система воздействия предпринимательских союзов и объединений на экономическую политику российского государства претерпела значительные трансформации. Первоначально система публичной власти пыталась взаимодействовать с предпринимательским сообществом через сформированную ранее систему совещательных органов, лишённых права инициировать обсуждение конкретных вопросов. Однако эти структуры в реальности отличал достаточно узкий состав участников, в силу чего они не могли полноценно представлять позицию даже крупных компаний. В результате роль функционального представителя интересов делового сообщества достаточно быстро перешла к самоуправляющимся общественным организациям, среди которых ключевую роль играли биржевые комитеты и съезды промышленников и торговцев. Формально они должны были играть скорее роль механизма обратной связи между правительственными структурами и бизнесом. Тем не менее достаточно быстро деловые ассоциации начали формировать собственную экономическую повестку и продвигать её методами публичной политики. Последнее было связано, с одной стороны, с высоким уровнем их автономии, обусловленным широким внедрением норм сепаратного права под воздействием широкого проникновения иностранного капитала в российскую экономику, а с другой – с формированием негласных практик привлечения предпринимательских объединений к обсуждению законопроектов и регулярным инкорпорированием представителей профильных органов власти в число делегатов съездов промышленников и коммерсантов. В начале XX в. процесс институционализации деловых ассоциаций привёл к возникновению общероссийских структур на базе объединения региональных и отраслевых союзов. Одновременно интенсифицировался процесс формирования монополий, также активно пытавшихся влиять на экономическую политику государства за счёт использования инструментов административного и отраслевого лоббирования. Но в целом уровень влияния предпринимательских союзов и объединений на экономическую политику российского государства оставался скорее умеренным. Последнее было обусловлено, с одной стороны, относительно низким уровнем ресурсного потенциала бизнеса и невысокой степенью его социальной консолидации, а с другой – опасениями властей относительно возможных издержек расширения участия бизнеса в вопросах государственного управления, связанными с высокими масштабами распространения бюрократического предпринимательства и коррупции в целом. Вместе с тем бизнес обладал достаточно ограниченными возможностями в плане продвижения своих интересов через законодательные органы власти, поскольку ведущие политические партии были на практике слабо связаны с предпринимательскими кругами и ориентировались преимущественно на иные группы элиты.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2025 г.

Литература

- Ананьич, Ганелин, 2000 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
- Бельгард, 2009 – Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009.
- Богданович, 1990 – Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.
- Боханов, 2006 – Боханов А. Н. Последний царь. М., 2006.
- Витте, 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- Витте, 1914 – Витте С.Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914.
- Головин, 1899 – Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899.

- Головин, 2006 – Головин Ф.А. Николай II // *Николай II. Воспоминания. Дневники*. М., 2006. С. 11–25.
- Гольдштейн, 1908 – Гольдштейн И.М. Экономическая политика. М., 1908.
- Грегори, 2003 – Грегори П. Экономический рост Российской империи, (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
- Гурко, 1902 – Гурко В.И. Устои народного хозяйства России. СПб., 1902.
- Гурко, 2000 – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Гучков, 1993 – Гучков А.И. А.И. Гучков рассказывает... М., 1993.
- Денисов, 1912 – Денисов В.И. О желательном направлении финансовой и экономической политики в России. СПб., 1912.
- Ельчанинов, 1913 – Ельчанинов А.Г. Царствование Государя Императора Николая Александровича. СПб. М., 1913.
- Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Кизеветтер, 2001 – Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 2001.
- Коковцов, 1992 – Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т 2. М., 1992.
- Корелин, Степанов, 1998 – Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998.
- Лаверычев, 1967 – Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
- Миронов, 2018 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. I–III. 2 изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
- Мышцын, 1906 – Мышцын В.Н. Политические партии и их идеалы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1906.
- Пасхалов, 1911 – Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. М., 1911.
- Пешехонов, 1906 – Пешехонов А.В. Экономическая политика самодержавия. СПб., 1906.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Спирин, 1977 – Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.
- Тихомиров, 1912 – Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России (статьи 1909, 1910, 1911 гг.). М., 1912.
- Шванебах, 1901 – Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901.
- Шепелев, 1987 – Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.
- Christian, 1997 – Christian D. Imperial and Soviet Russia: Power, privilege and challenge of modernity. N.Y., 1997.
- Gatrell, 1994 – Gatrell P. Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914. The last argument of tsarism. Cambridge, 1994.
- Geyer, 1987 – Geyer D. Russian Imperialism. The Interaction of domestic and foreign policy. 1860–1914. L., 1987.
- Harcave, 2004 – Harcave S. Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia. A Biography. N.Y.; L., 2004.
- Mosse, 1996 – Mosse W.E. An Economic History of Russia: 1856–1914. N.Y., 1996.
- Owen, 2005 – Owen T.C. Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizhov and Corporate Enterprise in the Railroad Age. L., 2005.
- Owen, 2002 – Owen T.C. The Corporation under Russian Law, 1800–1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge, 2002.
- Shanin, 1985 – Shanin T. Russia as a «Developing Society». Basingstoke; L., 1985.
- Wcislo, 2005 – Wcislo F. Rereading Old Texts: Sergei Witte and the industrialization of Russia // Russia in the European Context. 1789–1914. N.Y., 2005.

References

- Anan'ich, Ganelin, 2000 – Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh. (2000) Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya [Sergei Yulievich Witte and his time]. SPb. [in Russian]
- Bel'gard, 2009 – Bel'gard, A.V. (2009). Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]
- Bogdanovich, 1990 – Bogdanovich, A.V. (1990). Tri poslednikh samoderzhitsa. Dnevnik [The last three autocrat. Diary]. M. [in Russian]
- Bokhanov, 2006 – Bokhanov, A.N. (2006). Poslednii tsar' [The Last Tsar]. M. [in Russian]
- Christian, 1997 – Christian, D. (1997). Imperial and Soviet Russia: Power, privilege and challenge of modernity. N.Y.

- Denisov, 1912** – *Denisov, V.I.* (1912). O zhelatel'nom napravlenii finansovoi i ekonomicheskoi politiki v Rossii [On the Desirable Direction of Financial and Economic Policy in Russia]. SPb. [in Russian]
- El'chaninov, 1913** – *El'chaninov, A.G.* (1913). Tsarstvovanie Gosudarya Imperatora Nikolaya Aleksandrovicha [Reign of Sovereign Emperor Nikolai Alexandrovich]. SPb. M. [in Russian]
- Gatrell, 1994** – *Gatrell, P.* (1994). Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914. The last argument of tsarism. Cambridge.
- Geyer, 1987** – *Geyer, D.* (1987). Russian Imperialism. The Interaction of domestic and foreign policy. 1860–1914. L.
- Gol'dshtein, 1908** – *Gol'dshtein, I.M.* (1908) Ekonomicheskaya politika [Economic policy]. M. [in Russian]
- Golovin, 1899** – *Golovin, K.* (1899) Nasha finansovaya politika i zadachi budushchego. 1887–1898 [Our financial policy and tasks of the future. 1887–1898]. SPb. [in Russian]
- Golovin, 2006** – *Golovin, F.A.* (2006) Nikolai II. Nikolai Vtoroi. Vospominaniya. Dnevnik [Nicholas II]. M. Pp. 11–25. [in Russian]
- Gregori, 2003** – *Gregori, P.* (2003). Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii, (konets XIX – nachalo XX v.): Nove podschety i otsenki [Economic Growth of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): New Calculations and Estimates]. M. [in Russian]
- Guchkov, 1993** – *Guchkov, A.I.* (1993). A.I. Guchkov rasskazyvaet... [Guchkov tells...] M. [in Russian]
- Gurko, 1902** – *Gurko, V.I.* (1902) Ustoi narodnogo khozyaistva Rossii [Foundations of the national economy of Russia]. SPb. [in Russian]
- Gurko, 2000** – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]
- Harcave, 2004** – *Harcave, S.* (2004). Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia. A Biography. N.Y.; L.
- Kizeveter, 2001** – *Kizeveter, A.A.* (2001). Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya. 1881–1914 [At the turn of two centuries. Memories. 1881–1914]. M. [in Russian]
- Kokovtsov, 1992** – *Kokovtsov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo [From my past]. V. 2. M. [in Russian]
- Korelin, Stepanov, 1998** – *Korelin, A.P., Stepanov, S.A.* (1998). S.Yu. Vitte – finansist, politik, diplomat [S.Yu. Witte – financier, politician, diplomat]. M. [in Russian]
- Laverychev, 1967** – *Laverychev, V.Ya.* (1967). Po tu storonu barrikad. Iz istorii bor'by moskovskoi burzhazii s revolyutsiei [On the other side of the barricades. From the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie against the revolution]. M. [in Russian]
- Mironov, 2018** – *Mironov, B.N.* (2018). Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu. T. I–III. 2 izd., ispr. SPb.: Dmitrij Bulanin.
- Mosse, 1996** – *Mosse, W.E.* (1996). An Economic History of Russia: 1856–1914. N.Y.
- Myshtsin, 1906** – *Myshtsin, V.N.* (1906). Politicheskie partii i ikh idealy. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra [Political parties and their ideals]. Holy Trinity Sergius Lavra. [in Russian]
- Owen, 2002** – *Owen, T.C.* (2002). The Corporation under Russian Law, 1800–1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge.
- Owen, 2005** – *Owen, T.C.* (2005). Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizhov and Corporate Enterprise in the Railroad Age. L.
- Paskhalov, 1911** – *Paskhalov, K.* (1912). Pogreshnosti obnovlennogo 17 oktyabrya 1905 goda Gosudarstvennogo stroya i popytka ikh ustraneniya [Errors of the State system updated on October 17, 1905 and an attempt to eliminate them]. M. [in Russian]
- Peshekhonov, 1906** – *Peshekhonov, A.V.* (1906). Ekonomicheskaya politika samodержaviya [Economic policy of the autocracy]. SPb. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Shanin, 1985** – *Shanin, T.* (1985). Russia as a «Developing Society». Basingstoke; L.
- Shepelev, 1987** – *Shepelev, L.E.* (1987). Tsarizm i burzhaziya v 1904–1914 gg. [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914] L. [in Russian]
- Shvanebakh, 1901** – *Shvanebakh, P.Kh.* (1901). Denezhnoe preobrazovanie i narodnoe khozyaistvo [Monetary transformation and the national economy]. SPb. [in Russian]
- Spirin, 1977** – *Spirin, L.M.* (1977). Krushenie pomeshchich'ikh i burzhaznykh partii v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.) [The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (early XX century – 1920)]. M. [in Russian]
- Tikhomirov, 1912** – *Tikhomirov, L.A.* (1912). K reforme obnovlennoi Rossii (stat'i 1909, 10, 11 gg.) [Toward the Reform of a Renewed Russia (Articles 1909, 10, 11)]. M. [in Russian]
- Vitte, 1914** – *Vitte, S.Yu.* (1914). Po povodu neprelozhnosti zakonov gosudarstvennoi zhizni [Regarding the immutability of the laws of state life]. SPb. [in Russian]
- Vitte, 1960** – *Vitte, S.Yu.* (1960). Vospominaniya [Memories]. V. 3. M. [in Russian]
- Wcislo, 2005** – *Wcislo, F.* (2005). Rereading Old Texts: Sergei Witte and the industrialization of Russia. Russia in the European Context. 1789–1914. N.Y.

Zaionchkovskii, 1970 – *Zaionchkovskii, P.A. (1970). Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya* [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]

Воздействие предпринимательских союзов и объединений на экономическую политику государства во второй половине XIX – начале XX в.

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}, Вадим Владиславович Зубов ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено вопросу о развитии системы воздействия предпринимательских союзов и объединений на экономическую политику государства во второй половине XIX – начале XX в. Авторы приходят к выводу о том, что изначально представители политического руководства империи пытались взаимодействовать с предпринимательским сообществом через сформированную ранее систему совещательных органов, лишённых права инициировать обсуждение конкретных вопросов. Но для соответствующих структур был характерен достаточно узкий состав участников, в силу чего они не могли полноценно представлять позицию даже крупных компаний. Роль функционального представителя интересов делового сообщества постепенно перешла к самоуправляющимся общественным организациям, среди которых ключевую роль играли биржевые комитеты и съезды промышленников и торговцев. С формальной точки зрения они должны были выполнять функцию механизма обратной связи между правительственными структурами и бизнесом. Но в итоге деловые ассоциации начали формировать собственную экономическую повестку и продвигать её методами публичной политики. Это обуславливалось как высоким уровнем их автономии благодаря широкому внедрению норм сепаратного права, так и развитием негласных практик привлечения предпринимательских объединений к обсуждению законопроектов и регулярным инкорпорированием представителей профильных органов власти в число делегатов съездов промышленников и коммерсантов. В конце исследуемого периода интенсифицировался процесс формирования монополий, также активно пытавшихся влиять на экономическую политику государства за счёт использования инструментов административного и отраслевого лоббирования. Однако в целом уровень влияния предпринимательских союзов и объединений на экономическую политику российского государства оставался скорее умеренным. Последнее было обусловлено относительно низким уровнем ресурсного потенциала бизнеса и невысокой степенью его социальной консолидации, а также опасениями властей относительно возможных издержек расширения участия бизнеса в вопросах государственного управления, связанных с высокими масштабами распространения бюрократического предпринимательства и коррупции в целом.

Ключевые слова: деловые ассоциации, съезды промышленников и торговцев, биржевые комитеты, монополии, экономическая политика, группы интересов, лоббирование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), zubov305@yandex.ru (В.В. Зубов)